

М.Е. Мамонов
НИУ ВШЭ, ЦМАКП при ИНП РАН, Москва

Регулирование доступа банков на кредитный рынок в условиях несовершенной конкуренции: оценка последствий для стабильности банковской системы¹

Аннотация. В работе анализируются возможности, которыми в последние годы обладало государство в регулировании доступа банков на российский рынок банковских услуг за счет приватизации или национализации банков, стимулирования укрупнения банков и варьирования параметров системы страхования вкладов. Для каждой опции регулирования была проведена эмпирическая оценка последствий для стабильности банковской системы, учитываяшая несовершенство конкуренции на кредитном рынке. Особое внимание было уделено определению границ, разделяющих положительное и отрицательное воздействие каждой опции регулирования на стабильность системы. Оценки были сделаны на основе панельной базы данных по всем российским банкам, раскрывавшим балансы и отчеты о прибылях и убытках на сайте Банка России в период I кв. 2004 – IV кв. 2012, т.е. до смены руководства ЦБ РФ. Расчеты показали, что в анализируемый период времени (in-sample) и в 2013–2016 гг. (out-of-sample, при условии отсутствия внешних и внутренних шоков) при заданных уровнях рыночной власти российских банков и распределении кредитного риска между ними Правительство РФ, Банк России и Агентство страхования вкладов (АСВ) могли для поддержки стабильности банковского сектора: во-первых, увеличивать вложения в капиталы крупнейших банков с государственным участием; во-вторых, повышать минимальные требования к капиталам действующих кредитных организаций (на 50–100 млн руб. ежегодно в 2013–2016 гг.) и, в-третьих, снижать размер страхового покрытия по частным вкладам.

Ключевые слова: *банки, регулирование, стабильность, конкуренция, рыночная власть, формы собственности, минимальный капитал, страхование вкладов.*

Классификация JEL: G21; G28; D22; D43; C23.

1. Введение

Предметом оживленной дискуссии последних лет в российских правительственные кругах и экспертном сообществе стали вопросы регулирования доступа банков на рынок. Эти вопросы связывались

¹ Автор выражает особую признательность своему научному руководителю О.Г. Солнцеву, руководителю направления анализа проблем денежно-кредитной политики и банковской системы (ЦМАКП), за совместные обсуждения идей статьи и построение общей картины выводов на основе полученных эмпирических результатов. Автор также благодарен академику В.М. Полтеровичу и участникам научного семинара ЦЭМИ РАН «Математическая экономика» за интерес к работе и конструктивную критику; участникам семинара ЦЭМИ РАН «Многомерный статистический анализ и вероятностное моделирование реальных процессов» и лично профессору С.А. Айвазяну; профессорам НИУ ВШЭ А.В. Верникову и А.М. Карминскому и участникам их научно-практического семинара «Эмпирические исследования банковской деятельности»; директору по научной работе ИЭП им. Е.Т. Гайдара С.М. Дробышевскому и участникам 8 Открытого научно-практического семинара ЦМАКП «Регулирование банков и рыночная дисциплина»; профессору НИУ ВШЭ Ф.Т. Алексерову за совместные обсуждения отдельных положений на ранних стадиях исследования, которые легли в основу статьи; научному руководителю НИУ ВШЭ, профессору Е.Г. Ясину за качественную оценку результатов исследования; профессору НИУ ВШЭ А.А. Пересецкому за комментарии по поводу результатов, касающихся неоптимальности системы страхования вкладов в России; двум анонимным рецензентам за общую критику и замечания по структуре работы.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проекта 15-06-05846 «а»), а также в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2016 г.

с изменением формы собственности банков — в контексте приватизации банков с государственным участием в капитале; масштаба банков — в контексте минимально допустимых значений собственного капитала, устанавливаемых ЦБ РФ; величины страхового покрытия по вкладам — в контексте повышения доверия общества к российской банковской системе и защиты банков от эффектов паники вкладчиков. От решения этих вопросов зависит устойчивость отдельных банков и банковской системы в целом и, следовательно, перспективы кредитования реального сектора экономики.

Однако в обсуждении этих вопросов сталкиваются полярные подходы к регулированию банковского сектора, образующие интеллектуальный клинч и затрудняющие тем самым принятие властями конкретных решений. Эти полярные подходы можно проиллюстрировать с помощью следующих противопоставлений. Первое — концепция «слишком большой, чтобы обанкротиться» (Too-big-to-fail), против — «слишком маленький, чтобы выжить» (Too-small-to-survive). Второе — типичные рассуждения: «Госбанки неэффективны, кредитуют госкомпании и захватывают пространство частных банков» — против «Частные банки эффективны, но кредитуют рискованных заемщиков и пользуются меньшим доверием со стороны вкладчиков». Третье — типичные рассуждения: «Повышение страхового покрытия по депозитам защищает банки от набегов вкладчиков в кризис» — против «Избыточный уровень страхового покрытия ослабляет рыночную дисциплину вкладчиков и, следовательно, стимулирует банки к принятию повышенных рисков». Каким должен быть дизайн экономической политики в таких условиях, вопрос весьма нетривиальный. Однако мы попытаемся на него ответить, исследуя балансы российских кредитных организаций с помощью методов эконометрики панельных данных и накопленного в литературе опыта.

С нашей точки зрения, указанные полярные подходы сводятся к выбору между проблемами морального риска менеджеров банков (Moral Hazard, МН) и неблагоприятного отбора банковских заемщиков (Adverse Selection, AS), ключевыми понятиями теории контрактов². Чтобы корректно ответить на поставленный вопрос, нужно найти ту грань, за которой уходит на второй план одна проблема и начинает выходить на первый план другая.

Как показывает опыт международных исследований, осуществить обоснованный выбор между МН и AS невозможно, если абстрагироваться от понятия рыночной власти банков и нелинейного характера ее воздействия на показатели устойчивости банков (Martinez-Miera, Repullo, 2010; Berger et al., 2009; Tabak et al., 2012; Beck et al., 2013; и др.). К аналогичному выводу мы пришли в одном из своих

² Под моральным риском менеджеров банков будем понимать такие ситуации, в которых менеджеры — агенты, нанятые собственниками банков (принципалами) для управления финансовым бизнесом — имеют стимулы к принятию скрываемых от принципалов рисков для получения прибыли. Например, такие ситуации могут возникать в условиях общесистемного снижения процентных ставок по кредитам, провоцирующего сокращение прибылей банков и увеличивающего вследствие этого стимулы менеджеров отдельных кредитных организаций не допустить такого сокращения за счет скрываемого от принципалов принятия избыточных рисков (Мамонов, 2012). Под неблагоприятным отбором заемщиков будем понимать ситуации, в которых на более высокие процентные ставки по кредитам откликаются менее качественные заемщики.

предшествующих исследований (Мамонов, 2012). Ключ к пониманию проблемы взаимосвязи между экономической политикой и рыночной властью — в том, что меры политики коллективные, а рыночная власть — субъективная. Другими словами, меры устанавливаются единными для всех банков, тогда как сами банки серьезно разнятся по силе их рыночной власти. Поэтому некий пул обычно недифференцированных мер политики всегда будет решать проблемы МН или AS для одной части банков и усиливать их для другой.

В качестве промежуточного резюме сформулируем следующее утверждение. Анализ воздействия регулирования доступа к рынку на устойчивость банков сам по себе неполон — он становится системным только в случае если такое воздействие рассматривать в зависимости от показателей рыночной власти банков сквозь призму проблемы выбора между МН и AS (рис. 1). Здесь и далее под устойчивостью банков будем понимать качество их кредитных портфелей, оцениваемое на основе балансов с помощью показателя доли просроченных кредитов в совокупных ссудах населению и нефинансовым предприятиям. Это укладывается в представление банковского сообщества о кредитном риске как основном риске банковской деятельности в России (Солнцев и др., 2010) и в большинстве зарубежных стран (Jimenez et al., 2014)³. Оставаясь в рамках анализа ценовой конкуренции на российском кредитном рынке, рыночную власть банков мы определим как их способность самостоятельно формировать размер процентных ставок по кредитам (Мамонов, 2012). В качестве прокси-переменной для рыночной власти будем использовать индекс Лернера, отражающий долю рыночной надбавки в процентных ставках по кредитам и учитывающий степень неэффективности выбранных банками бизнес-моделей (inefficiency adjusted Lerner index) (Koetter et al., 2012).

При анализе соотношений между рыночной властью и устойчивостью банков мы будем исходить из следующих двух положений.

1. При сокращении рыночной власти (вследствие, например, появления новых конкурентов, отставания от технологических новинок и ухудшения сервиса) банки вынуждены снижать процентные ставки по кредитам — для недопущения перетока своих заемщиков к конкурентам. В этом случае снижение процентных ставок, с одной стороны, позволяет банкам быть более уверенными в том, что заемщики смогут расплатиться по кредитам, но с другой — влечет за собой рост склонности рынков к риску для компенсации утраты части прибыли. Для таких банков проблема AS менее актуальна, чем МН.

2. В случае повышения рыночной власти банков (в результате ухода с рынка части конкурентов, внедрения технологических новаций и улучшения сервиса) банки могут быть склонны увеличивать процентные ставки по кредитам. Это, с одной стороны, решает их проблемы с прибылью, с другой — может грозить образованием навеса

³ Прочие виды рисков (ликвидности, валютный, процентный и др.) остаются за рамками данного исследования и требуют отдельных работ. В частности, в отличие от кредитного риска, который накапливается постепенно и приводит к банкротству только после прохождения критического порога, реализация риска ликвидности приводит банк к дефолту мгновенно (например, английский банк Northern Rock, американский Lehman Brothers и др.). Мы благодарны одному из анонимных рецензентов за это замечание.

«плохих» долгов. В таких ситуациях проблема AS доминирует над МН.

Оба положения проиллюстрированы на рис. 2, на котором изображены возрастающая функция неблагоприятного отбора заемщиков (AS) и убывающая функция морального риска (МН) менеджеров банков. Эти функции имеют место с ростом рыночной власти банков. Эти функции результируются в итоговую – U-образную – форму зависимости подверженности банков кредитному риску от показателей их рыночной власти. Эти представления описывают теоретические результаты, полученные в (Martinez-Miera, Repullo, 2010), и указывают на то, что максимальные подверженности банков риску могут наблюдаться в граничных состояниях рынка – совершенной конкуренции и монополии⁴.

Эта конструкция (рис. 2) позволит нам проследить, как та или иная мера политики регулирования доступа банков на рынок будет влиять на баланс между МН и AS в банковской системе. Для коли-

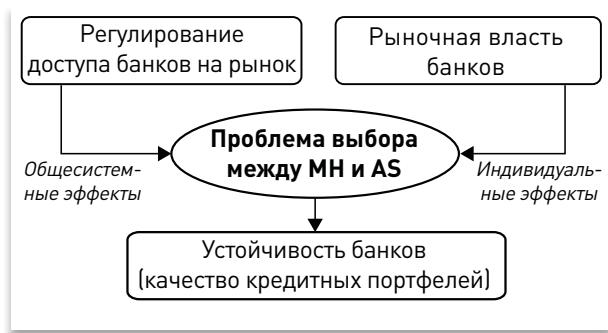

Рис. 1

Системный анализ воздействия мер политики регулирования доступа банков к рынку на показатели устойчивости банков

Примечание. МН и AS – моральный риск (moral hazard) и негативный отбор (adverse selection).

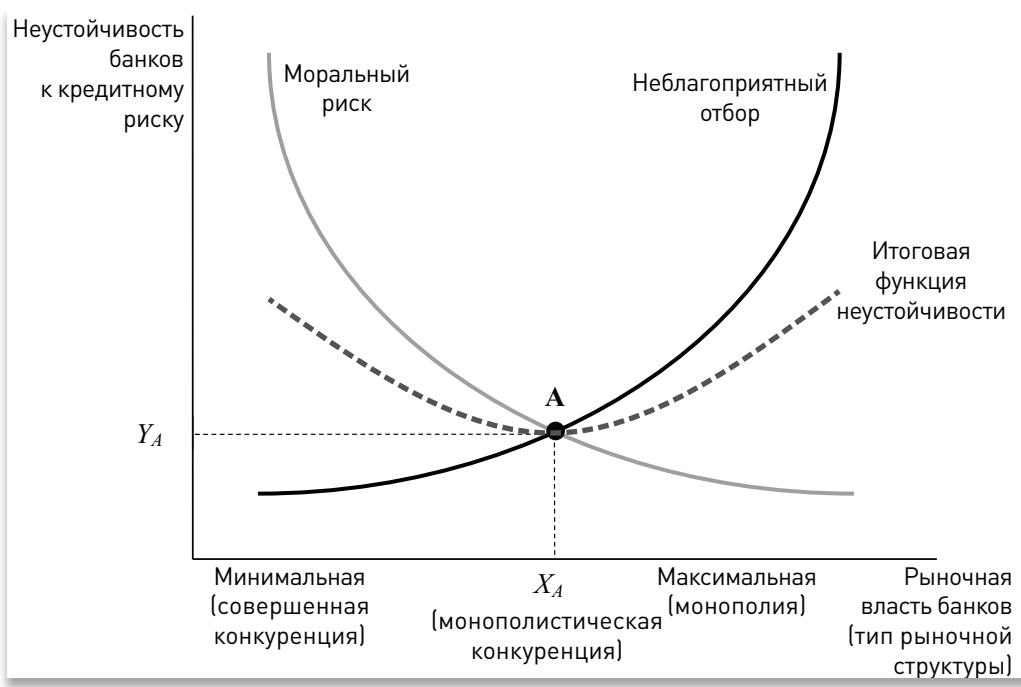

Рис. 2

Оптимальные параметры рыночной власти банков, минимизирующие их неустойчивость к риску

⁴ Подобные рассуждения нашли эмпирическое подтверждение в работе (Berger et al., 2009) по банкам 30 развитых стран и в (Мамонов, 2012) – по российским банкам. Однако в работе (Tabak et al., 2012) выводы по банкам 10 стран Латинской Америки оказались противоположными: связь между риском и рыночной властью в этих странах была описана как перевернутая U-образная. Наконец, в работе (Turk Ariss, 2010) по банкам из 60 развивающихся стран идея нелинейного характера связи не нашла подтверждения. Это указывает на необходимость более тонкого поиска – внутристратового и/или внутригруппового.

чественного анализа были выбраны показатели, характеризующие масштаб банков, формы собственности и страхового покрытия по вкладам.

Конечно, это не исчерпывающий список показателей, на основе которых можно анализировать политику, направленную на обеспечение стабильности банковского сектора и соответствующих им показателей. За рамками текущего исследования остались характеристики жесткости регулирования банков⁵ и исследования кредитного канала денежно-кредитной политики (ДКП)⁶.

Общий алгоритм исследования состоит в построении панельных регрессионных уравнений, объясняющих вариацию устойчивости банков к кредитному риску в одновременной зависимости от той или иной меры политики доступа, которую отражают показателями 1–3, и рыночной власти банков (шаг 1). Далее строятся диаграммы и изокванты всех таких комбинаций той или иной меры из списка 1–3 и рыночной власти, при которых показатель устойчивости банков к риску остается неизменным (шаг 2). Наконец, на основе шага 2 делаются выводы о том, в каком направлении следует корректировать значение того или иного регулируемого показателя, чтобы добиться повышения устойчивости банков к риску при прежнем значении показателя рыночной власти банков (шаг 3).

Среди работ, применяющих схожую методологию, по крайней мере в рамках шага 1, выделяются исследования (Agoraki et al., 2011; Beck et al., 2013). Во втором масштабном исследовании (Beck et al., 2013) на основе выборки более чем из 17 тыс. банков в 79 странах за 1994–2009 гг. авторы анализировали совместное влияние рыночной власти и жесткости пруденциального надзора, институционального и финансового развития на расстояние до дефолта (в терминах Z-индекса, композитного показателя устойчивости банков ко всем рискам в среднем (Beck et al., 2013)).

В этой статье мы будем реализовывать нашу методологию на данных по российским банкам, ограничивающихся 2012 г., т.е. до смены руководства ЦБ. Это позволит нам определить, как регуляторы могли бы корректировать параметры доступа банков на рынок в 2013–2016 гг., т.е. на уже реализовавшемся периоде времени, для обеспечения стабильности банковской системы. Зная эти оптимальные в модельном смысле меры и уже фактически реализованные в 2013–2016 гг., предметом будущей работы может стать их сравнение: как отклонение фактических мер регуляторов от модельных в этот промежуток времени сказалось на стабильности банковской системы.

⁵ Набор подобных характеристик был представлен в (Barth et al., 2008). К ним относятся, в том числе, ограничение операций с различными активами (activity restrictions) и ужесточение требований к достаточности капитала (capital stringency). Эти показатели исследовались в работах (Agoraki et al., 2011) – выборка банков стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) и (Beck et al., 2013) – выборка банков из 79 стран, которые показали, что в обоих случаях ужесточение политики ведет к рентоориентированному поведению и усиливает негативное влияние конкуренции на устойчивость банков.

⁶ Ограничительная ДКП обычно приводит к росту ставок привлечения и, соответственно, к снижению возможностей банков генерировать «буферы капитала» за счет эксплуатации рыночной власти ((Fonseca, Gonzalez, 2010) – данные по 70 странам). Это может привести к усилению негативного влияния конкуренции на устойчивость банков.

Наша статья имеет следующую структуру. В разд. 2 раскрывается эмпирический дизайн исследования, описываются данные и промежуточные расчеты. В разд. 3–6 представлены результаты эконометрических оценок зависимости доли просроченных кредитов в кредитах банков от показателей концентрации крупных и средних банков, требования ЦБ РФ к минимальному капиталу, формы собственности и величины страхового покрытия по вкладам соответственно. В разд. 7 представлено обобщение эмпирических выводов и сформулированы те меры, которые регуляторы могли применять в 2013–2016 гг. для обеспечения стабильности банков.

2. Методология, базы данных и промежуточные расчеты

2.1. Общий контур регрессионных уравнений

Следуя (Agoraki et al., 2011; Beck et al., 2013), мы оценивали уравнение вида:

$$ODL_{it} = \alpha_i + \beta LERNER_{it-k}^{(LNS)} + \sum_{j=1}^J \gamma_j ACCESS_{jt-k} + \sum_{j=1}^J \eta_j ACCESS_{jt-k} LERNER_{it-k}^{(LNS)} + \\ + \sum_{l=1}^L \gamma_l BSF_{l, it-k} + \sum_{m=1}^M \eta_m MACRO_{m, t-k} + \varepsilon_{it}, \quad (1)$$

где ODL_{it} – доля накопленного объема просроченных кредитов⁷ в совокупных кредитах (LNS) банка i ($i=1, \dots, N$) населению и нефинансовым предприятиям в квартале t ($t=1, \dots, T$); согласно РСБУ просроченным считается любой кредит, по которому заемщик задержал обязательный платеж хотя бы на один день (в отличие от МСФО, где порогом выступает задержка в 90 дней, но просроченными считаются не только неуплаченные проценты, но и все тело долга); $LERNER_{it-k}^{(LNS)}$ – индекс Лернера рыночной власти банка i в квартале $t-k$ ($k=1, \dots, 4$) на рынке (LNS) по аналогии с (Мамонов, 2012); $ACCESS_{jt-k}$ – показатель с номером j доступа банков на рынок (LNS): размер банков, формы собственности, страховое покрытие по вкладам (разд. 1) в квартале $t-k$; $BSF_{l, it-k}$ – контрольный микроэкономический фактор с номером l ($l=1, \dots, L$), отражающий параметры бизнес-модели банка i в квартале $t-k$. Переменная доли кредитов в активах показывает степень специализации банка на кредитовании. Доля розничных кредитов в кредитах банка определяет соотношение между кредитами населению и кредитами нефинансовым предприятиям в портфеле кредитов банка. Доля непроцентных доходов в доходах банка (с сальдинированием переоценки средств в валюте) указывает на роль прочих, некредитных, активов в формировании доходов банка. Отношение абсолютно ликвидных активов к счетам и депозитам населения и нефинансовых предприятий отражает защищенность банка от эффектов паники вкладчиков. В случае реализации подобных эффектов (например, в период нестабильности на валютном рынке) банк может лишиться значимой части пассивов, что повлечет за собой приостановку выдачи новых кредитов.

⁷ Более информативным и соответствующим мировой практике показателем являются проблемные и безнадежные ссуды (NPL, Non-Performing Loans). Однако в российских данных отсутствует возможность анализа такого показателя на уровне банков.

тов и финансирования существующих кредитных линий, что, в свою очередь, может привести к ухудшению качества кредитного портфеля (препятствия для рефинансирования ранее взятых займов). Масштаб банка, доля на рынке кредитов, показывает, в какой мере банк способен отфильтровывать менее качественных заемщиков по мере экспансии на рынке; $MACRO_{m,t-k}$ — контрольный макроэкономический фактор с номером m ($m=1, \dots, M$) в квартале $t-k$. Переменные темпы прироста реального ВВП, реальных располагаемых доходов населения и отношения прибыли к долгу нефинансовых предприятий призваны отразить фазу бизнес-цикла и платежеспособность основных категорий заемщиков. Переменная волатильности валютного курса улавливает общий для всех банков эффект ухудшения качества портфелей из-за сокращения платежеспособности тех заемщиков, чей долг номинирован в иностранной валюте в периоды нестабильности на валютном рынке; α_i — индивидуальный эффект для банка i , характеризующий его среднюю подверженность кредитному риску; $\varepsilon_{it} \sim N(0, \sigma_{it}^2)$ — регрессионная ошибка.

Поскольку зависимая переменная устроена так, что просроченными считаются кредиты с задержкой платежа в один день, то достаточно рассматривать наименьший лаг для объясняющих переменных: $k=1$. В качестве дополнительной проверки на устойчивость были оценены регрессии с четвертым лагом объясняющих переменных ($k=4$) и показано, что результаты остаются качественно теми же, что и с первым лагом⁸.

Все объясняющие переменные были центрированы относительно своих средних значений для смягчения проблемы мультиколлинеарности факторов и их попарных произведений. Поскольку уравнение (1) содержит только лагированные объясняющие переменные, то проблемы эндогенности между микроэкономическими переменными не возникает: состоятельные оценки достижимы с помощью метода наименьших квадратов (OLS). Существенные различия в размерах российских банков, их бизнес-практики и риск-профиля, обостряющие проблему гетероскедастичности, были учтены через поправки стандартных ошибок в форме Уайта. Оценки проводились в пакете Stata 11.2.

На основе оценок уравнений (1) далее были рассчитаны два предельных эффекта:

$$\frac{\partial ODL_{it}}{\partial ACCESS_{jt-k}} = \gamma_j + \eta_j LERNER_{it-k}^{(LNS)}, \quad (2)$$

$$\frac{\partial ODL_{it}}{\partial LERNER_{it-k}^{(LNS)}} = \beta + \eta_j ACCESS_{jt-k}. \quad (3)$$

Предельный эффект (2) показывает, как та или иная (макро) мера доступа банков к рынку влияет на (микро) показатель подверженности банка риску в среднем (через коэффициент γ_j) и в зависимости от (микро) показателя рыночной власти — через оценку η_j . Поскольку

⁸ Результаты оценки моделей с четвертым лагом не будут приводиться в тексте статьи для экономии места, они доступны по запросу читателей.

переменные были центрированы, то приближение сверху или снизу показателя рыночной власти банка к среднему значению по рынку оставляет в действии лишь средний эффект. Удаление вниз или вверх показателя рыночной власти от среднего значения по рынку приводит ко все большей коррекции среднего эффекта.

Предельный эффект (3) показывает, в какой степени банк способен контролировать качество своего кредитного портфеля в среднем (β) и как та или иная мера доступа банков к рынку способна помочь банку улучшить такой контроль или воспрепятствовать ему (η_j). В литературе нет консенсуса относительно знака предельного эффекта (3). В работе (Keeley, 1990) была предложена концепция «конкуренция – уязвимость», предсказывающая положительный знак. В работе (Boyd, De Nicolo, 2005) авторы сформулировали противоположную концепцию и обосновали отрицательный знак. Причины конфликта между конкуренцией и стабильностью в банковских системах описаны в таких работах, как (Beck et al., 2013; Tabak et al., 2012; Мамонов, 2012) и др.

Наконец, на основе рассчитанных предельных эффектов (2) и (3) в координатах «рыночная власть – показатель политики» были симулированы изокванты кредитного риска, т.е. геометрические места точек, которые показывают все сочетания рыночной власти и меры политики, при которых доля просроченных кредитов остается на задаваемом уровне. Этот инструмент позволяет отвечать на ряд вопросов, в том числе об ожидаемой результативности той или иной меры политики поддержки стабильности банков в различных режимах рыночной власти банков.

Для каждой меры политики рассчитывались F штук изоквант: $ODL_{it} = \overline{ODL}^f$, $f = 1, \dots, F$, в предположении $BSF = 0$ и $MACRO = 0$. Тогда $\forall f \overline{ODL}^f = \alpha + \beta LERNER_{it}^{(LNS)} + \gamma_j ACCESS_{j,t} + \eta_j LERNER_{it-k}^{(LNS)} ACCESS_{j,t-k}$ и, следовательно, семейство изоквант можно представить в виде:

$$ACCESS_{j,t} = \frac{\overline{ODL}_{it}^f - \alpha}{\gamma_j + \eta_j LERNER_{it}^{(LNS)}} - \frac{\beta LERNER_{it}^{(LNS)}}{\gamma_j + \eta_j LERNER_{it}^{(LNS)}} \quad (4)$$

2.2. Комбинация баз данных и расчеты показателей доступа банков на рынок

Для оценки уравнения (1) были использованы данные из нескольких источников. Во-первых, информация для построения банковских показателей была взята из форм 101 (оборотные ведомости по счетам бухгалтерского учета) и 102 (отчеты о прибылях и убытках), раскрытых на сайте ЦБ РФ, за период I кв. 2004 – IV кв. 2012. В начале рассматриваемого периода в выборку входило порядка 50% всех функционировавших в России банков, а начиная с 2010 г. – примерно 90%. Несмотря на это, благодаря тому, что основная масса крупнейших банков раскрывала отчетности с начала анализируемого периода,

доля активов выборки в активах банковской системы была устойчивой и составляла порядка 90–95%. Во-вторых, макроэкономические переменные были построены на основе статистики Росстата (показатели динамики ВВП и платежеспособности заемщиков) и агентства «Финам» (ежедневные цены закрытий пар рубль – доллар и рубль – евро на рынке Forex).

На основе этой информации была построена панельная база данных, в которую вошли все банки, предоставившие ЦБ РФ право на раскрытие своих отчетностей на сайте регулятора (табл. 1). До процедур фильтрации выбросов панель содержала 32 728 наблюдений в формате «банк–квартал» по 1243 финансовым организациям. Размер этих организаций варьировался от 0,001 до 14 299 млрд руб. (среднее равно 25 млрд руб.). Далее были применены следующие процедуры фильтрации выбросов: исключение всех наблюдений ниже 1-го и выше 99-го процентилей распределений в каждом относительном банковском показателе, кроме доли банков на рынке.

3. Концентрация крупных и средних банков в банковской системе: уменьшать первых или укрупнять вторых

Одним из наиболее общих направлений государственной политики в области регулирования банковского сектора является стимулирование укрупнения банков. Такое стимулирование может осуществляться, в том числе, с помощью упрощения механизмов реализации сделок слияния и поглощения (M&A) в банковской среде, предоставление ликвидности и/или субординированных кредитов на более выгодных условиях для крупных банков в сравнении с более мелкими, повышение планки по минимальному капиталу и др. В любом из таких вариантов в банковском секторе, при прочих равных условиях, будет наблюдаться рост концентрации.

С одной стороны, как показывает ряд признанных в академической среде работ, концентрация банковского сектора может способствовать повышению стабильности банковских систем, поскольку в более концентрированных банковских системах прибыльность банковских операций обычно выше, качество кредитных портфелей лучше, а значит, и возможности банков генерировать буферы капитала для защиты от негативных шоков достаточны для обеспечения их стабильного функционирования. Так, в работе (Beck et al., 2006) по данным 69 развитых и развивающихся стран за 1980–1997 гг. показано, что вероятность наступления системного финансового кризиса тем меньше, чем более концентрированным является банковский сектор. Аналогичные выводы содержатся в работе (Demirgүç-Kunt, Detragiache, 2002). Кроме того, чем меньше банков в системе, тем проще регулировать их деятельность и тем эффективнее надзор со стороны монетарных властей (Koetter, Poghosyan, 2009).

Таблица 1
Описательные статистики переменных

Переменная	Число наблюдений (банков)	Отклонение			Процентили микропеременных			
		минимальное	среднее	максимальное	стандартное	<i>p</i> 1	<i>p</i> 50	<i>p</i> 99
Зависимая переменная (на уровне банков)								
Доля просроченных кредитов в кредитном портфеле, %	18787 (939)	0,00	3,88	100,00	5,97	0,02	2,07	26,07
Ключевые объясняющие переменные (общеотраслевые, кроме рыночной власти)								
Индикатор рыночной власти банка:								
индекс Лернера (на рынке кредитов), %	14173 (922)	-55,87	48,28	99,25	21,77	-21,83	49,89	91,80
Показатели доступа банков на рынок:								
доля первых 30 банков в активах банковской системы (крупнейшие банки), %	36	71,51	74,48	77,36	1,31			
доля следующих 70 банков в активах банковской системы (средние банки), %	36	13,23	14,07	15,38	0,52			
требования ЦБ РФ к минимальному капиталу для действующих банков, млн руб.	13	90,00	124,62	180,00	43,79			
федеральные государственные банки, % активов банковской системы	36	35,01	39,11	42,61	2,03			
региональные государственные банки, % активов банковской системы	36	2,86	3,75	4,36	0,40			
банки в собственности государственных банков или государственных корпораций, % активов банковской системы	36	10,44	12,71	14,33	1,20			
банки под управлением государственных банков или государственных корпораций, % активов банковской системы	36	1,12	1,29	1,42	0,07			
дочерние банки нерезидентов, % активов банковской системы	36	10,61	12,50	14,54	0,91			
частные банки-резиденты, зарегистрированные в Москве или Санкт-Петербурге, % активов банковской системы	36	17,68	19,75	21,32	0,95			
отношение страхового покрытия по вкладам к ВВП на душу населения, раз	36	0,59	1,65	2,59	0,65			

С другой стороны, рост масштаба банков может обострять проблему морального риска и связанную с ней проблему Too-big-to-fail («слишком большой, чтобы развалиться»). Эмпирические подтверждения подобным эффектам найдены, например, в (Uhde, Heimeshoff, 2009) по данным 25 стран зоны евро за период 1997–2005 гг.

Для тестирования эффектов, связанных с концентрацией, в качестве переменной $ACCESS_{jt-k}$ в уравнении (1) была выбрана доля первых j банков в активах банковской системы (CR_j). Для оценки уравнения (1) мы использовали сокращенный временной интервал в используемой панели данных и ограничились анализом только посткризисного этапа развития российского банковского сектора, а именно: с I кв. 2010 г. (начала периода разморозки кредитного рынка) по IV кв. 2012 г. Это было необходимо, поскольку в кризис наблюдался одновременно и рост доли просроченных кредитов в совокупных кредитах, и рост доли крупнейших банков в банковской системе (в основном за счет федеральных государственных банков). Соответственно, результаты оценки за весь промежуток времени, включая кризис, подвержены эффекту ложной корреляции.

Результаты оценки уравнения (1) представлены в табл. 2⁹.

Анализ результатов, во-первых, позволяет сделать вывод о том, что вне зависимости от концентрации крупных (модели М1–М4) или средних (модель М5) банков рыночная власть оказывает в среднем отрицательное воздействие на долю просроченных кредитов в кредитах банков.

Во-вторых, результаты свидетельствуют о том, что эффект «концентрация – стабильность» характерен только для крупных банков (модели М1–М4), однако он ослабляется действием их рыночной власти ($\gamma < 0$ и $\eta > 0$). Другими словами, крупные российские банки – по крайней мере входящие в топ-30 по активам, – в случае повышения концентрации в среднем способны фильтровать менее качественных заемщиков (эффект усиления переговорных позиций, ослабление проблемы неблагоприятного отбора AS). Но если при этом имеет место также и рост их рыночной власти, т.е. способности повышать процентные ставки по кредитам относительно их предельных издержек (контроль не только количества кредитов, но и их цены), то начинает проявляться корректирующий эффект, связанный с обострением морального риска (МН). Как показали расчеты в различных процентилях распределения банков по значениям индексу Лернера, итоговый эффект концентрации на подверженность риску остается отрицательным¹⁰.

⁹ Здесь и далее в регрессионных таблицах приводятся результаты только по ключевым переменным – индексу Лернера и его попарным произведениям с переменными доступа банков на рынок. Результаты оценок для контрольных факторов не приводятся для экономии места и доступны по запросу.

¹⁰ Так, например, в модели М4 эффект CR_{30} на долю просроченных кредитов оценен на уровне –0,65 для банка со значением индекса Лернера в 25%-ном процентиле; –0,51 – для банка с медианным значением индекса Лернера и –0,38 – для банка с еще более высокими значениями индекса Лернера, лежащими в 75%-ном процентиле (все оценки значимы, как минимум, на уровне 5%).

Таблица 2

Рыночная власть и концентрация крупных и средних банков в банковской системе: результаты оценки их влияния на качество кредитных портфелей банков (за период I кв. 2010 г. – IV кв. 2012 г.)

Объясняющая переменная (лаг = 1 квартал)	Зависимая переменная: доля просроченных кредитов в кредитах (<i>ODL</i>)				
	<i>j</i> = 3	<i>j</i> = 5	<i>j</i> = 10	<i>j</i> = 30	<i>j</i> = 31,...,100
	M1	M2	M3	M4	M5
Индекс Лернера (скорректированный), центрированный	-0,050*** (0,015)	-0,052*** (0,015)	-0,053*** (0,016)	-0,050*** (0,015)	-0,043*** (0,014)
Доля первых <i>j</i> банков в банковской системе, центрированная	-0,349*** (0,117)	-0,290*** (0,095)	-0,329*** (0,097)	-0,527*** (0,162)	0,815*** (0,241)
Доля первых <i>j</i> банков в банковской системе × Индекс Лернера (скоррект.)	0,0093** (0,0042)	0,0084** (0,0037)	0,0083** (0,0037)	0,0106** (0,0047)	-0,0200** (0,0079)
Микро- и макроэкономические контроли	Да	Да	Да	Да	Да
Число наблюдений (банков)	4362 (574)	4362 (574)	4362 (574)	4362 (574)	4362 (574)
<i>R</i> ²	0,7982	0,7986	0,7994	0,7987	0,7992
Уровень рыночной власти, при которой влияние доли первых <i>j</i> банков на подверженность кредитному риску меняет знак, %	86,0	83,1	88,1	98,2	89,3
Справка: средний уровень рыночной власти, %				48,6	
Уровень доли первых <i>j</i> банков, при которой влияние рыночной власти на подверженность кредитному риску меняет знак, %	47,6	54,6	64,9	79,2	11,9
Справка: средняя доля первых <i>j</i> банков, %	42,2	48,4	58,6	74,5	14,1

Примечание. В таблице символами «*», «**», «***» обозначены оценки коэффициента, значимые на уровне 1, 5 и 10% соответственно. В скобках под коэффициентами указаны их робастные стандартные ошибки.

Источники: данные Банка России, Росстата, расчеты автора.

Противоположная ситуация характерна для средних банков (модель М5): им в среднем присущ эффект «концентрация – уязвимость», но, как и в случае крупных банков, этот эффект ослабляет воздействие со стороны их рыночной власти ($\gamma > 0$ и $\eta < 0$). Это означает, что повышение концентрации средних по размеру банков – по крайней мере с позицией в рэнкинге по активам с 31 по 100 – имел на рассматриваемом промежутке в среднем отрицательное воздействие

на качество кредитных портфелей таких банков. По-видимому, конкурируя с крупными банками, они воспринимают ситуации роста своей концентрации на рынке как эпизодические, не носящие долгосрочного характера, и стараются извлечь из этого краткосрочные выгоды через повышение процентных ставок (проблема АС доминирует над МН). Отрицательное влияние концентрации на качество кредитов средних банков убывает с ростом рыночной власти¹¹.

Далее, были рассчитаны предельные эффекты (2) и (3) и построены изокванты кредитного риска. Результаты оценок представлены в конце табл. 2, а также на рис. 3–4.

Крупные банки. Для банков из топ-3, топ-5, топ-10 и топ-30 эффект концентрации на долю просроченных кредитов в совокупных кредитах остается отрицательным («концентрация – стабильность») вплоть до индивидуальных значений рыночной власти, равных 86, 83, 88 и 98% (рис. 3) по индексу Лернера соответственно¹².

Воздействие рыночной власти каждой из четырех таких подгрупп банков на их показатели доли просроченных кредитов в совокупных кредитах остается отрицательным (концепция «рыночная власть – стабильность») вплоть до значений их доли в активах банковской системы, равных 48, 55, 65 и 79% соответственно. Лишь после этих значений эффект рыночной власти может сменить знак на противоположный (концепция «рыночная власть – уязвимость»). Как и в предыдущем случае, текущие значений долей всех четырех групп банков в активах банковской системы находились ниже пороговых значений – правда, в среднем всего лишь на 5 п.п.

Средние банки. Для банков с позицией в рэнкинге по активам с 31 по 100 влияние концентрации на долю просроченных кредитов остается положительным вплоть до 89% по индексу Лернера, при том что групповое значение индекса Лернера для этих банков составляет 34% (рис. 4). Эффект рыночной власти на долю просроченных кредитов в совокупных кредитах становится отрицательным лишь тогда, когда доля активов группы в активах банковской системы опускается ниже 12%. Значение доли активов этой группы на конце выборочного интервала лишь на 2 п.п. выше этого порога.

Сравнение изоквант кредитного риска крупных и средних банков показывает, что в тех институциональных, регуляторных и макроэкономических условиях, которые имели место в 2010–2012 гг., в банковской системе наблюдался бы рост доли просроченных кредитов, если бы доля крупных банков сокращалась, а доля средних – росла. Эффект роста доли просроченных кредитов был бы еще сильнее, если бы наблюдалось усиление конкуренции в системе, сопровождающееся сокращением рыночной власти в обеих группах.

Наконец, репликация регрессионных расчетов по моделям М4 и М5 с последовательным расширением временного горизонта пока-

¹¹ Например, для банка со значением индекса Лернера в 25%-ном процентиле эффект равен 1,0, в 75%-ном процентиле – 0,5.

¹² Средние фактические значения в соответствующих четырех подгруппах банков равны 14, 22, 19 и 22% соответственно (см. табл. 2).

зала, что со временем для группы средних банков эффект «концентрация – уязвимость» сокращается, а эффект «рыночная власть – стабильность», напротив, усиливается¹³.

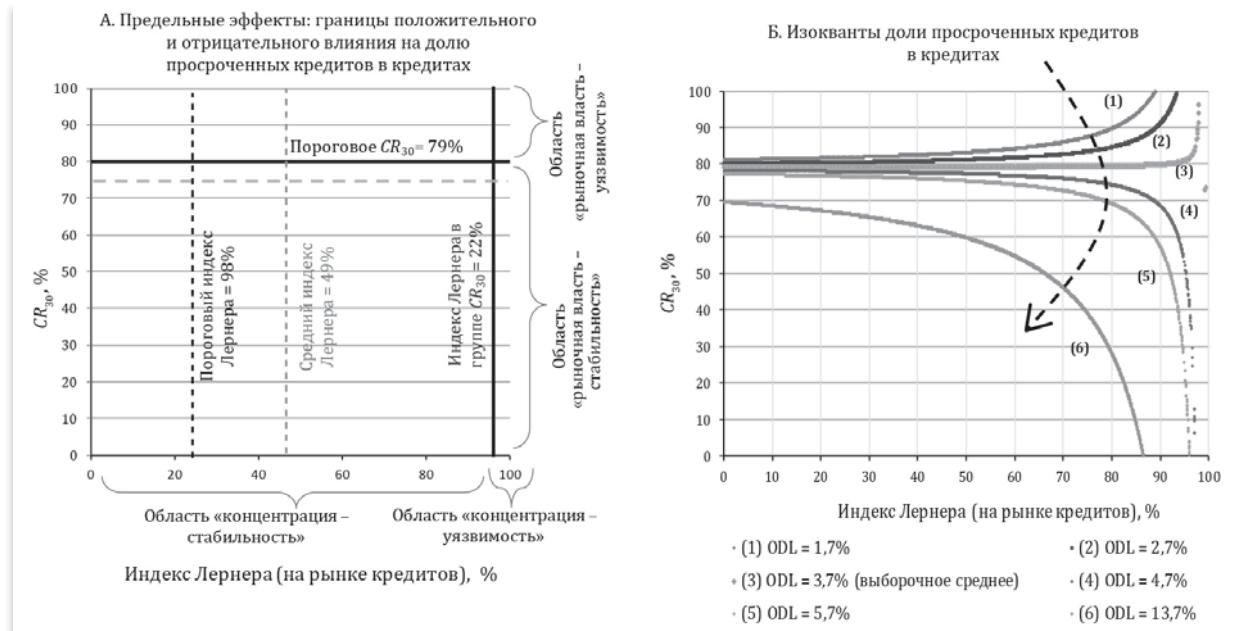

Рис. 3

Рыночная власть и доля активов первых тридцати банков в активах банковской системы, %

Источник: расчеты автора по модели М4.

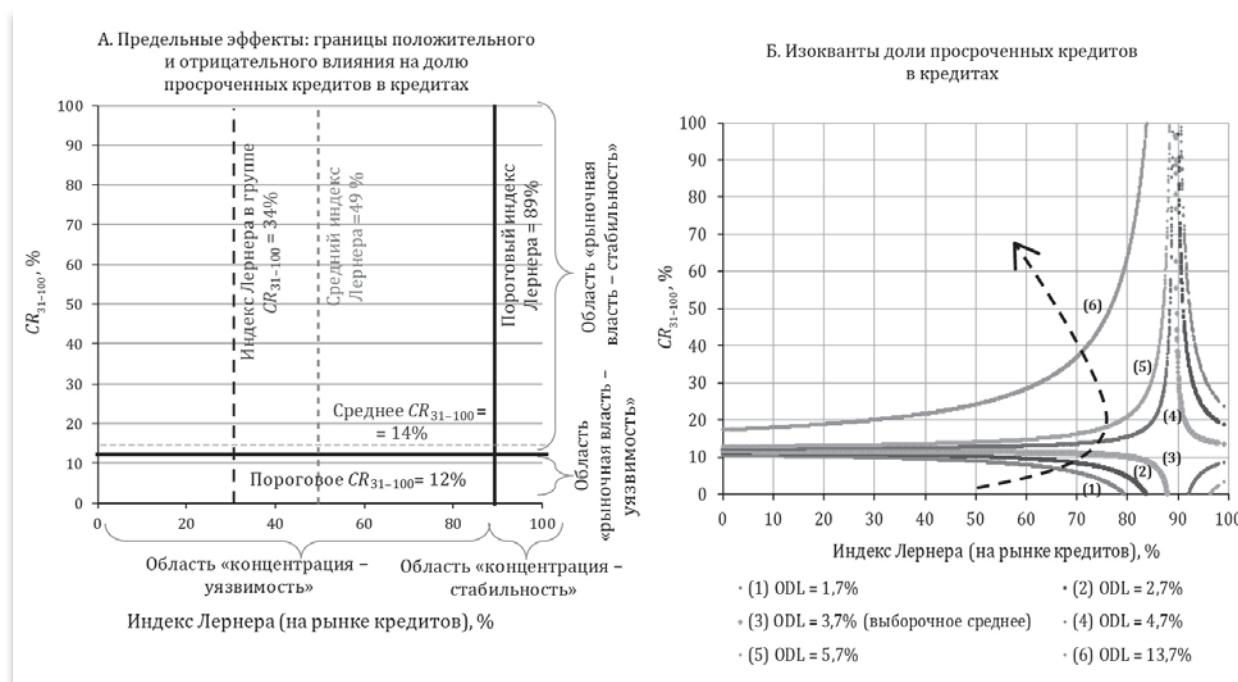

Рис. 4

Рыночная власть и доля активов банков с 31 по 100 позицию в ранкинге по активам

Источник: расчеты автора по модели М5.

¹³ Результаты соответствующих расчетов не приводятся для экономии места и доступны по запросу.

4. Требования ЦБ РФ к минимальному размеру собственного капитала для действующих банков: как быстро повышать

Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» был принят в 1990 г. (от 02.12.1990 № 395-1) и практически сразу же после этого и вплоть до середины 2000-х годов ЦБ РФ в координации с Минфином почти ежегодно пересматривал минимальные требования к размеру собственных средств кредитных организаций, используя для этого условные единицы (ЭКЮ – с 1 млн в 1994 г. до 5 млн в 1999 г.) или евро (от 1 млн в 2001 г. до 5 млн к 2007 г.)¹⁴. Далее, в период с 2007 до 2010 г. минимальный капитал мог составлять любую ненулевую величину при условии, что она не будет сокращаться во времени (без риска отзыва лицензии капитал мог сокращаться только в случае если его величина составляла не менее 5 млн евро, или 180 млн руб.). С 2010 г. требования к минимальному капиталу составили 90 млн руб. для действующего банка; с 2012 г. планка была повышена до 180 млн руб.¹⁵

Увеличения Банком России требований к минимальному капиталу действующих банков могут иметь разные и неоднородные последствия с точки зрения качества кредитных портфелей банков. С одной стороны, такие увеличения приводят к перераспределению части заемщиков из более мелких (не удовлетворяющих требованиям по капиталу) банков в более крупные, которые могут предъявлять более жесткие требования к финансовой обеспеченности заемщиков, что должно приводить к повышению качества кредитов в банковской системе. С другой стороны, если в банковской системе имеет место эффект Хикса «спокойной жизни монополиста» (Berger, Hannan, 1998), то в силу этого крупные банки (удовлетворяющие требованиям по капиталу) не уделяют должного внимания скринингу прибывающих заемщиков, в таком случае повышение требований к капиталу может приводить к негативным последствиям для качества кредитов. Однако эти средние эффекты могут существенным образом зависеть от рыночной власти банков – чем больше рыночная власть, тем больше, согласно концепции экономической стоимости («charter value», Keeley, 1990), стимулы банков не допускать повышения подверженности кредитному риску, тем меньше будет эффект от повышения планки для собственного капитала.

Эти эффекты были проанализированы в рамках уравнения (1): в роли переменной $ACCESS_{jt-k}$ выступил показатель минимальных требований к капиталу действующих банков. В силу описанных выше причин в данном случае уравнение (1) оценивалось только за период I кв. 2010 – IV кв. 2012 г. Результаты оценки представлены в табл. 3. В первых двух столбцах оценены спецификации без контрольных факторов (модель М6) и только с одним ключевым контрольным микроэкономическим фактором – кредитной нагрузкой на активы (модель М7). В последних четырех столбцах представлены оценки

¹⁴ Подробнее см. <http://kommersant.ru/doc/460637>.

¹⁵ С 2015 г. эта величина снова выросла – до 300 млн руб., однако этот период остается за рамками нашей выборки.

Таблица 3

Минимальный капитал для действующих банков: результаты оценки влияния на качество кредитных портфелей банков при различных уровнях их рыночной власти (за период I кв. 2010 г.–IV кв. 2012 г.)

Объясняющая переменная (лаг = 1 квартал)	Зависимая переменная: доля просроченных кредитов в кредитах (ODL)				
	$j=4$	$j=4$	$j=1$	$j=2$	$j=3$
M6	M6	M7	M8	M9	M10
Индекс Лернера (скорректированный), центрированный (0,011)	-0,021* (0,013)	-0,037*** (0,015)	-0,031*** (0,014)	-0,033** (0,014)	-0,040*** (0,014)
Минимальный размер собственного капитала для действующего банка, центрированный / 100	-0,662*** (0,165)	-0,478*** (0,183)	-0,421** (0,168)	-0,382** (0,171)	-0,435** (0,173)
Минимальный собственный капитал для действующего банка × Индекс Лернера / 100	0,018*** (0,009)	0,020*** (0,009)	0,016*** (0,008)	0,016*** (0,007)	0,019*** (0,008)
Контрольные факторы (микро / макро)	(Нет / Нет)	(Да / Нет)	(Да / Да)	(Да / Да)	(Да / Да)
Число наблюдений (банков)	3958 (550)	3958 (550)	2927 (521)	3266 (528)	3616 (543)
R^2	0,811	0,815	0,828	0,819	0,824
Уровень рыночной власти, при которой эффект минимального капитала на подверженность кредитному риску меняет знак, %	85,9	72,4	75,2	72,4	71,4
Справка: средний уровень рыночной власти, %	48,6	48,6	48,8	48,7	48,6
Уровень минимального капитала, при котором эффект рыночной власти на подверженность кредитному риску меняет знак, млн руб.	242	309	301	320	350
Справка: уровень минимального капитала на последнюю дату, млн руб.					350

Примечание. В таблице символами «*», «**», «***» обозначены оценки коэффициента, значимые на уровне 1, 5 и 10% соответственно. В скобках под коэффициентами указаны их робастные стандартные ошибки.

Источники: данные Банка России, Росстата, расчеты автора.

спецификаций с полным набором контролей на расширяющихся горизонтах времени: верхняя граница по времени последовательно сдвигалась на один квартал вперед – I кв. 2012 г. (модель М8), II кв. 2012 г. (модель М9), III кв. 2012 г. (модель М10) и IV кв. 2012 г. (модель М11).

Результаты оценок говорят о том, что, во-первых, связь между минимальным капиталом и подверженностью банков кредитному риску существует и является отрицательной (значимость не ниже уровня 5%)¹⁶. Во-вторых, эта связь в целом идентична механизмам связи концентрации и подверженности кредитному риску крупнейших банков (разд. 3). В-третьих, расчеты границ безопасных повышений минимального капитала и рыночной власти банков показали, что пороговые уровни по капиталу составляли на анализируемом интервале 350 млн руб. (при среднем за 2010–2012 гг. уровне в 180 млн руб.), по рыночной власти – 72% (при среднем по системе 49%, рис. 5а). Соответственно, в рассматриваемый период банк со средними характеристиками располагался в области «рыночная власть – стабильность» и «минимальный капитал – стабильность». При этом наиболее важный эмпирический вывод состоит в том, что с течением времени порог размера капитала имеет тенденцию расти. Так, согласно оценкам по моделям М8–М11 такой порог рос с 301 млн руб. в I кв. 2012 г. до 320 млн руб. во II кв. 2012 г., затем – до 326 млн руб. в III кв. 2012 г. и, наконец, – до 350 млн руб. в IV кв. 2012 г. Таким образом, за 2012 г. прирост порога составил почти 50 млн руб. (1/6 часть уровня начала года). Если предположить, что такая тенденция устойчиво сохраняется во времени, то к 1 января 2015 г. – при условии отсутствия уже фактически реализовавшихся в 2014–2015 гг. внутренних и внешних шоков (экономический кризис и западные санкции) – прирост мог бы составить еще 100 млн руб. и вывести порог безопасного повышения планки до 450 млн руб.

Если наши расчеты верны, обсуждаемое в последние годы поднятие планки до 1 млрд руб. может ослабить ее положительное воздействие на стабильность банковской системы, особенно в случае существенного ухудшения конкурентной среды, сопровождающегося ростом рыночной власти отдельных банков. Следовало бы ограничиться половиной от такой планки и установить ее еще в начале 2016 г. Однако ЦБ РФ не пошел на такой шаг. Как это повлияло на стабильность банков – предмет будущей работы.

На рис. 5б представлены результаты расчетов изоквант кредитного риска: движение от изокванты 1 к изокванте 6 соответствует росту доли просроченных кредитов в кредитах банков с 1,7 до 13,7% соответственно (показано стрелкой). Вывод – регуляторам следует

¹⁶ В анализируемый период 2010–2012 гг. происходило повышение минимального капитала, могут возникнуть определенные сомнения в том, что обнаруженный отрицательный эффект, действительно, отражает связь между минимальным капиталом и кредитным риском, а не просто реакцию банков на повышение планки. Однако если бы это было так, тогда отрицательный эффект был бы обнаружен только в модели без контрольных факторов (М6) и исчез бы в моделях с контрольными факторами (М7–М11), которые перетянули бы на себя все влияние минимального капитала. Причина – скорость реакции: в ответ на повышение планки по капиталу банки корректируют параметры бизнес-модели (сколько кредитов выдавать, по каким процентным ставкам и т.п.), и только после таких изменений проявляется результат в виде изменившейся доли просроченных кредитов. Действительно, без контролей эффект наиболее сильный, с контролями – он ощутимо уменьшается, но остается статистически и экономически значимым.

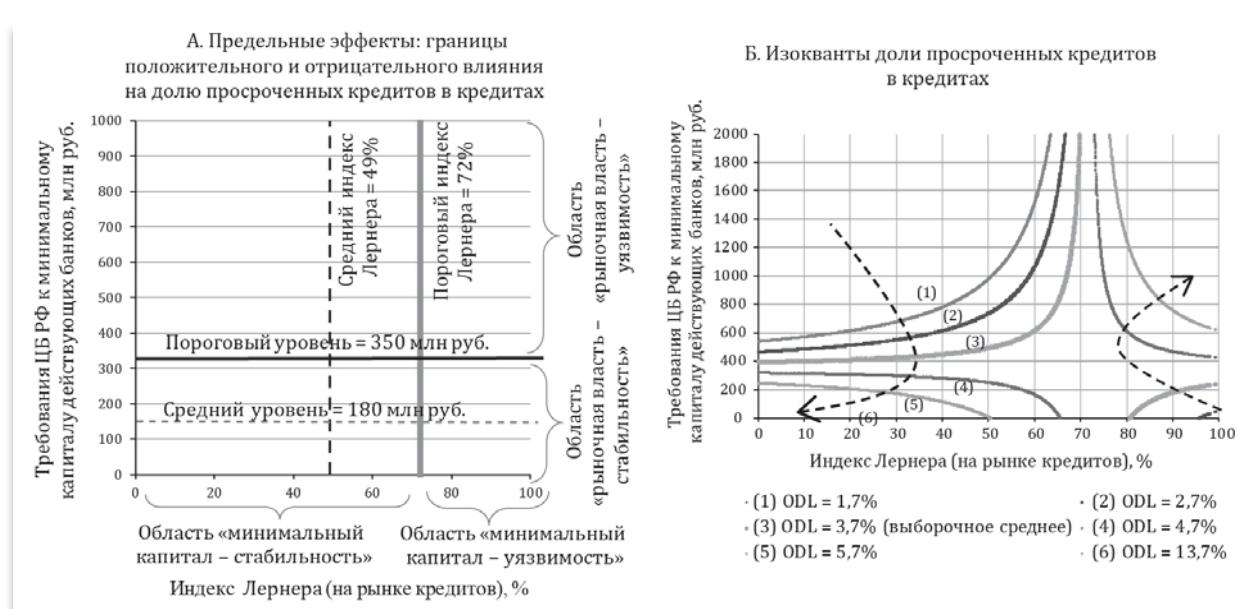

Рис. 5

Рыночная власть и требования ЦБ РФ к минимальному капиталу, млн руб.

Источник: расчеты автора по модели М11.

стимулировать конкуренцию в банковском секторе только тогда, когда требования по минимальному капиталу превысят оптимальный порог в 350 млн руб., до тех пор стимулирующие конкуренцию меры стали бы непродуктивными.

5. Концентрация государственных и частных банков: приватизировать нельзя огосударствовать¹⁷

Вопросы, связанные с необходимостью и целесообразностью приватизации банков, контролируемых государственным капиталом (госбанками), также стоят необычайно остро. С одной стороны, частные банкиры подвергали критике монетарные власти за непротивление искажению конкуренции ввиду содействия экспансии государственного капитала в банковской системе (сделки М&А, инициированные вторым по величине федеральным государственным банком ВТБ, особенно – с Банком Москвы и Транскредитбанком). При этом крупнейший федеральный государственный банк, Сбербанк, высказывался за частичную приватизацию (Товтайло, Аскер-заде, 2011), тогда как другой федеральный госбанк, Россельхозбанк (РСХБ), выступал строго против приватизации и за изменение статуса на отраслевой институт развития (Власова, 2013). В таких условиях ЦБ РФ и ФАС в 2011 г. обсуждали идеи: а) частичной или полной приватизации госбанков; б) введения верхнего порога по доле государства в активах системы. Вторая идея не получила распространения, а первая нашла отражение в Распоряжении Правительства РФ от 27 ноября 2010 г. № 2102-р, в соответствии с которым в 2011 г. был продан пакет из 10% акций ВТБ; в 2012 г. – пакет из 7,58% акций Сбербанка.

¹⁷ Здесь – осмысленная амфиболия: две взаимоисключающие возможности.

На этом фоне представители академической среды все чаще приходят к выводу о том, что, во-первых, государственные банки эффективнее частных (Karas et al., 2010; Мамонов, Верников, 2015) и, во-вторых, государство осуществляет целенаправленную политику по выращиванию «национальных чемпионов» в российском банковском секторе (Верников, 2013) и вряд ли будет склонно продавать полные пакеты в контролируемых банках. Если это так, то приватизация государственных банков может сопровождаться не повышением, а снижением эффективности российской банковской системы. Как в таких условиях может изменяться подверженность банков риску, вопрос также открытый.

Для ответа на этот вопрос в уравнение (1) в качестве переменной $ACCESS_{jt-k}$ были введены показатели, отражающие доли групп банков, находящихся в различных формах собственности. Уравнение (1) вновь оценивалось лишь на посткризисном периоде – I кв. 2010 г. – IV кв. 2012 г., чтобы исключить возможность ложной корреляции (в кризис 2008–2009 г. росли оба показателя – доля государственных банков в системе и доля просроченных кредитов в кредитах банков). Результаты оценки представлены в табл. 4. Они сводятся к тому, что концентрация федеральных и региональных государственных банков, а также частных столичных банков-резидентов и дочерних банков-нерезидентов в среднем способствовали сокращению доли просроченных кредитов в портфелях банков. Напротив, концентрация банков, находящихся в собственности государственных банков и государственных корпораций (или под их управлением), и концентрация частных региональных банков-резидентов сопровождалась ухудшением качества их кредитных портфелей. Среди попарных произведений значимыми и вызывающими интерес оказались эффекты в группе федеральных государственных банков (модель М12) и в группе частных региональных банков (модель М17). В первом случае эффект оказался положительным, во втором – отрицательным. Это указывает на то, что рост рыночной власти федеральных государственных банков ослабляет положительное влияние их концентрации на качество кредитов, а рост рыночной власти региональных банков ослабляет их отрицательное влияние на качество кредитов. Почему это происходит? По-видимому, причины кроются в том, что федеральные государственные банки – лидеры рынка, а региональные банки – в основном, последователи. По этой причине они по-разному действуют в условиях одновременного усиления своей рыночной власти и повышения своей концентрации: первые повышают процентные ставки и подвергаются риску неблагоприятного отбора (AS), вторые же в большей мере могут быть склонны к тому, чтобы сохранить заемщиков и не допустить их перехода в федеральные госбанки. Самый простой способ это сделать – не поднимать ставки. Это, в свою очередь, снижает риск AS. Расчеты границ связи концентрации, рыночной власти и риска и соответствующих им изоквант риска представлены на рис. 6 и 7.

Таблица 4

Рыночная власть банков и концентрация различных форм собственности в банковской системе: результаты оценки их влияния на качество кредитных портфелей банков (за период I кв. 2010 г. – IV кв. 2012 г.)

Объясняющая переменная (лаг = 1 квартал)	Зависимая переменная: доля просроченных кредитов в кредитах (ODL)						
	M12	M13	M14	M15	M16	M17	M18
Индекс Лернера (скорректированный), центрированный LI_{it}	-0,042*** (0,014)	-0,053*** (0,014)	-0,037*** (0,014)	-0,052*** (0,015)	-0,048*** (0,015)	-0,030** (0,014)	-0,046*** (0,013)
Доля (центрированная) в совокупных активах банковской системы следующих групп банков							
Федеральные государственные банки	-0,472*** (0,185)						
Региональные государственные банки		-0,361* (0,217)					
Банки в собственности государственных банков и государственных корпораций			0,556*** (0,143)				
Банки под управлением государства				5,814*** (1,864)			
Частные банки-резиденты, зарегистрированные в Москве или Санкт-Петербурге)					-0,423*** (0,110)		
Частные региональные банки-резиденты						1,582*** (0,560)	
Дочерние банки нерезидентов							-0,265** (0,133)
Перекрестные (центрированные) эффекты							
Доля федеральных государственных банков $\times LI_{it}$	0,016** (0,007)						
Доля региональных государственных банков $\times LI_{it}$		0,021* (0,011)					
Доля банков в собственности государственных банков и государственных корпораций $\times LI_{it}$			-0,005 (0,007)				
Доля под управлением государства $\times LI_{it}$				-0,172** (0,086)			
Доля частных столичных банков-резидентов $\times LI_{it}$					-0,003 (0,007)		
Доля частных региональных банков-резидентов $\times LI_{it}$						-0,051** (0,023)	
Доля дочерних банков нерезидентов $\times LI_{it}$							0,007 (0,005)

Окончание таблицы 4

Объясняющая переменная (лаг = 1 квартал)	Зависимая переменная: доля просроченных кредитов в кредитах (ODL)						
	M12	M13	M14	M15	M16	M17	M18
Микро- и макроконтрольные факторы	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да
Число наблюдений (банков)	3958 (550)	3958 (550)	3958 (550)	3958 (550)	3958 (550)	3958 (550)	3958 (550)
R ² (LSDV)	0,818	0,816	0,819	0,818	0,817	0,819	0,816

Примечание. В таблице символами «*», «**», «***» обозначены оценки коэффициента, значимые на уровне 1, 5 и 10% соответственно. В скобках под коэффициентами указаны их робастные стандартные ошибки.

Источники: данные Банка России и Росстата, (Vernikov, 2009) и расчеты автора.

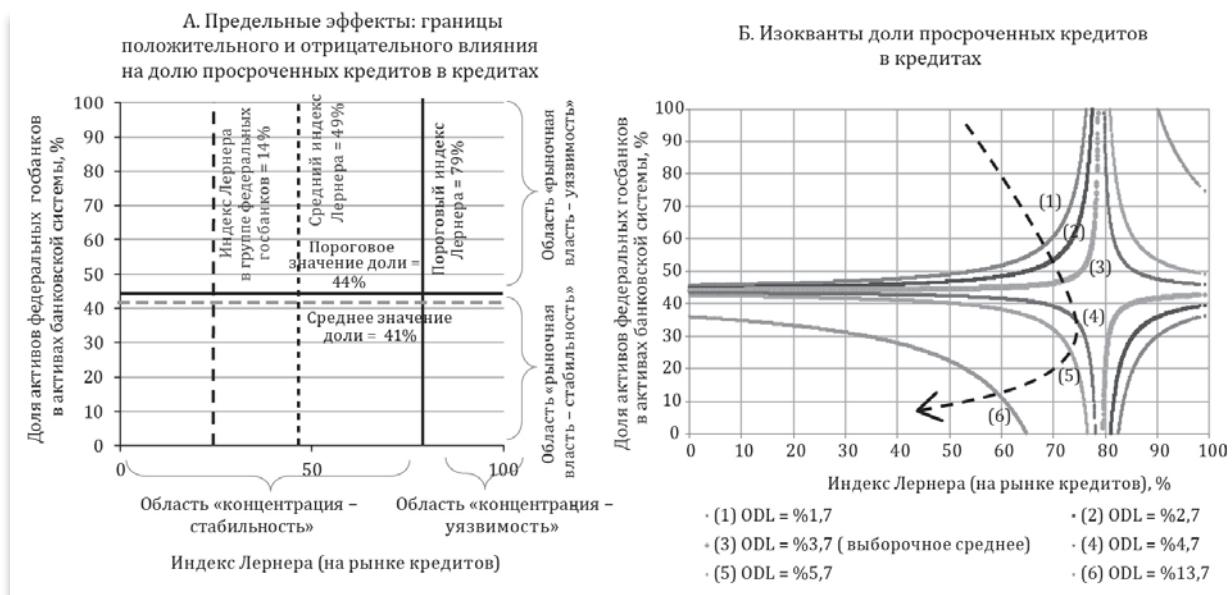

Рис. 6

Рыночная власть и доля активов федеральных государственных банков, %

Источник: расчеты автора по модели M12

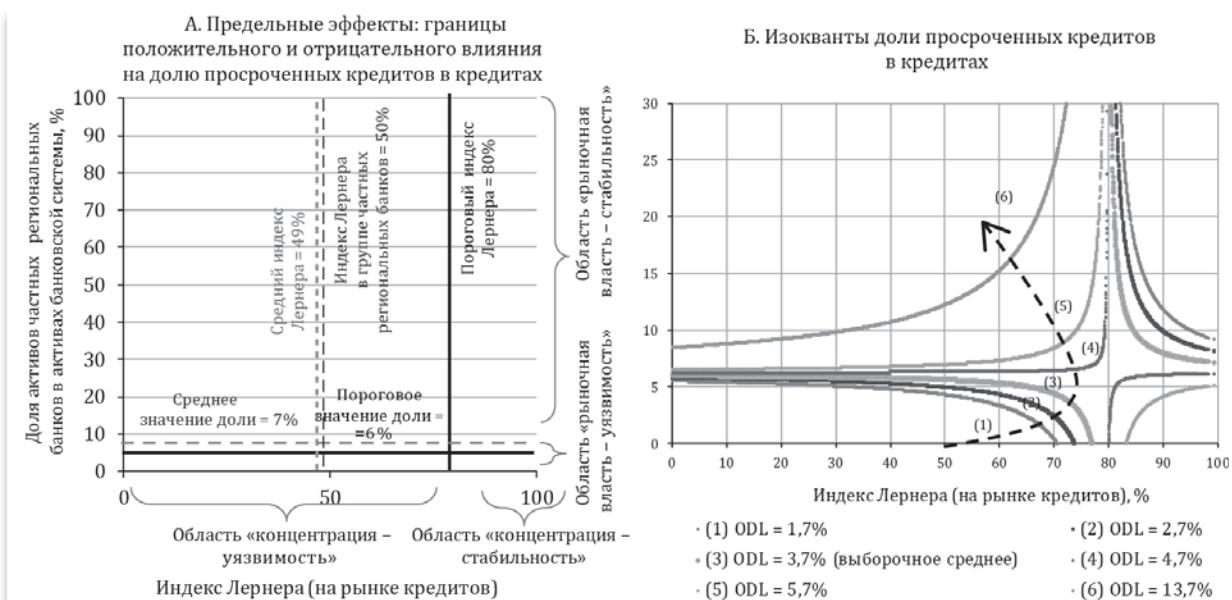

Рис. 7

Рыночная власть и доля активов частных региональных банков, %

Источник: расчеты автора по модели M17.

6. Максимальный размер страхового покрытия по вкладам населения: повышать или не повышать

В пределах анализируемого периода времени, 2004–2012 гг., повышение максимального размера страхования вкладов населения осуществлялось последовательно три раза: в III кв. 2006 г. – со 100 до 190 тыс. руб.; в I кв. 2007 – до 400 тыс. руб. и в III кв. 2008 г. – до 700 тыс. руб.¹⁸ В каждом таком случае цель государства заключалась в том, чтобы нейтрализовать угрозу паники вкладчиков и обезопасить таким образом банковскую систему от проявления системного кризиса ликвидности. Однако, как показали (Chernykh, Cole, 2011; Karas et al., 2013), повышение страхового покрытия в 2007 г. сопровождалось ростом склонности частных российских банков к риску (moral hazard), тогда как среди государственных банков такого эффекта не наблюдалось. Следовательно, страхование вкладов может воздействовать на подверженность банков риску, поэтому необходимо оценить силу такого воздействия в различных режимах рыночной власти банков.

Для этого в уравнение (1) в качестве переменной $ACCESS_{jt-k}$ был введен показатель $(INS\ DEP / GDP_{per\ cap})_{t-k}$, измеряющий соотношение между страховым покрытием по вкладам и ВВП на душу населения (по аналогии с (Beck et al., 2013)). При интерпретации предельного эффекта (2) мы исходим из того, что более высокое страховое покрытие по вкладам ослабляет рыночную дисциплину (вкладчики становятся менее заинтересованными в мониторинге финансового положения банков), что позволяет банкам наращивать свои аппетиты к риску, в том числе к кредитному. Поэтому в среднем повышение размера страхового покрытия может способствовать росту доли просроченных кредитов на балансах банков в будущем. Однако мы полагаем, что с ростом рыночной власти банков их склонность к риску ослабевает, что должно ослаблять отрицательное влияние страхового покрытия на качество кредитных портфелей. Конечно, такой эффект может значительно отличаться в разных группах банков – мы учили это за счет модификации предельного эффекта (2), введя в него показатели концентрации различных форм собственности ($CR_{t-k}^{(d)}$):

$$\frac{\partial ODL_{it}}{\partial \left(\frac{INS\ DEP}{GDP_{per\ cap}} \right)_{t-k}} = \gamma_j + \eta LERNER_{it-k}^{(LNS)} + \sum_{d=1}^3 \theta_d CR_{t-k}^{(d)}. \quad (5)$$

Модифицированное уравнение (1) оценивалось за весь период наблюдений, т.е. с I кв. 2005 г. по IV кв. 2012 г. Результаты оценок представлены в табл. 5. Первые три модели тестируют влияние переменных с первым лагом, вторые три модели – с четвертым. В обоих наборах первое уравнение содержит только микроконтроли, второе – микро- и макроконтроли, третье – микро-, макро- и даммиконтроли на формы собственности. Наш основной вывод соответствует литературе (данным) по России (Chernykh, Cole, 2011; Karas et al., 2013) и состоит в том, что страхование вкладов в российской банковской

¹⁸ За пределами анализируемого периода времени было проведено четвертое повышение – до 1,4 млн руб. с I кв. 2015 г.

системе оказывает в среднем отрицательное воздействие на качество кредитных портфелей банков. Так, рост максимального размера страхового покрытия по вкладам на 1 размер ВВП на душу ведет к увеличению доли просроченных кредитов в совокупных кредитах банков на 0,5 п.п. спустя один квартал (модель M20) и 0,9 п.п. спустя четыре квартала (модель M23). Заметим, что для частных столичных банков-резидентов эффект еще сильнее — спустя квартал после повышения страховки их доля просроченных кредитов может демонстрировать прирост на 1,2 п.п., что более чем вдвое выше, чем для всех остальных групп банков. Далее, подтверждая выводы (Beck et al., 2013), наши расчеты показали, что рост рыночной власти корректирует отрицательное воздействие страхования вкладов на качество портфелей — вплоть до исключения такого влияния во всех формах собственности, кроме частной в группе резидентов.

Таблица 5

Рыночная власть банков, формы собственности и минимальный размер страхового покрытия по вкладам: результаты оценки их влияния на качество кредитных портфелей банков (за период I кв. 2005 г. – IV кв. 2012 г.)

Объясняющие переменные (X)	Зависимая переменная: доля просроченных кредитов в кредитах (ODL)					
	Лаг X = 1 квартал			Лаг X = 4 квартала		
	M18	M19	M20 (базовая)	M21	M22	M23
Индекс Лернера (скорректированный), центрированный	-0,016* (0,009)	-0,034*** (0,011)	-0,032*** (0,012)	-0,016* (0,009)	-0,020* (0,012)	-0,020 (0,013)
Отношение размера максимального страхового покрытия по вкладам к ВВП на душу населения (центрированное)						
В среднем по банковской системе	1,474*** (0,094)	0,788*** (0,082)	0,542*** (0,109)	1,943*** (0,117)	1,747*** (0,117)	0,906*** (0,127)
По группе федеральных государственных банков			-0,318 (0,407)			-0,042 (0,366)
По группе частных столичных банков-резидентов			0,739*** (0,233)			0,321 (0,285)
По группе дочерних банков нерезидентов			0,378 (0,498)			0,428 (0,536)
Перекрестный эффект рыночной власти и размера страхования по вкладам (на основе центрированных переменных)						
Отношение страхового покрытия по вкладам к ВВП на душу × Индекс Лернера	-0,027*** (0,006)	-0,021*** (0,006)	-0,024*** (0,006)	-0,022*** (0,007)	-0,019*** (0,007)	-0,019** (0,008)
Контрольные факторы (микро / макро)	(Да / Нет)	(Да / Да)	(Да / Да)	(Да / Нет)	(Да / Да)	(Да / Да)
Число наблюдений (банков)	12104 (790)	12101 (790)	10751 (651)	10933 (766)	10909 (765)	9793 (642)

Окончание таблицы 5

Объясняющие переменные (Х)	Зависимая переменная: доля просроченных кредитов в кредитах (ODL)					
	Лаг Х = 1 квартал			Лаг Х = 4 квартала		
	M18	M19	M20 (базовая)	M21	M22	M23
R2 (LSDV)	0,529	0,563	0,551	0,574	0,588	0,562
Уровень рыночной власти, при которой влияние страхования вкладов на подверженность кредитному риску меняет знак, %	104,1	86,9	—	139,0	140,6	96,6
для нечастного столичного банка-резидент, %			71,1			
для частного столичного банка-резидента, %			101,7			
Справка: средний уровень рыночной власти, %				48,6		
Уровень страхования вкладов, при котором влияние рыночной власти на подверженность кредитному риску меняет знак, раз	1,05	<0	0,3	0,89	0,58	0,59
Справка: средний уровень отношения размера страхового покрытия к ВВП на душу населения, раз				1,6		

Примечание. В таблице символами «*», «**», «***» обозначены оценки коэффициента, значимые на уровне 1, 5 и 10% соответственно. В скобках под коэффициентами указаны их робастные стандартные ошибки.

Источник: данные Банка России, Росстата, расчеты автора.

Расчеты границ безопасных наращиваний рыночной власти и максимального размера страхового покрытия дали результаты, которые можно найти на рис. 8¹⁹. Пороговое значение уровня максимального страхового покрытия составило всего 0,3 раза при среднем за анализируемый период, равном 1,6 раз. По этому показателю банковская система устойчиво находилась в 2005–2012 гг. в области «рыночная власть – стабильность». Порог по индексу Лернера составил 102% (вне области опреде-

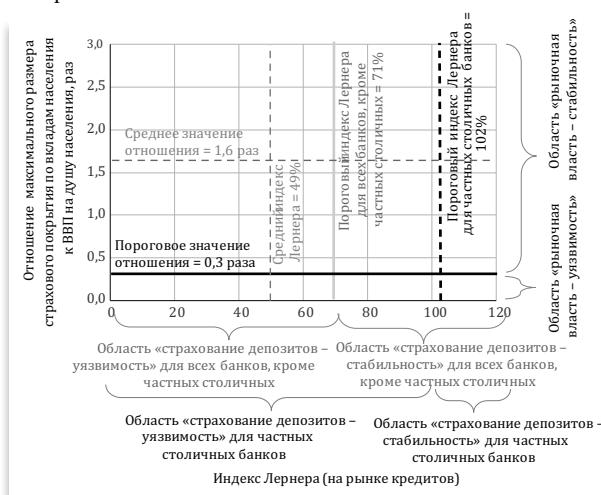

Рис. 8

Рыночная власть и страхование вкладов населения: границы положительного и отрицательного влияния на долю просроченных кредитов, раз

Источник: расчеты автора по модели М20.

¹⁹ Графики с соответствующими изоквантами не приводятся для экономии места и доступны по запросу читателей. Они качественно схожи с теми, что были представлены выше на рис. 4Б и 7Б.

ления) для частных столичных банков-резидентов и 71% для прочих банков. При таких значениях индекса Лернера банки всех групп находились в среднем в области, в которой размер страхования вкладов положительно воздействует на долю просроченных кредитов, т.е. обостряет стимулы банков к риску. Мы условно назвали эту область «страхование депозитов – уязвимость».

Наши расчеты указывают на то, что в стимулировании роста рыночной дисциплины за счет снижения уровня страхового покрытия на анализируемом промежутке времени был практический смысл. Это могло способствовать (1) сокращению стимулов банков к необоснованным рискам, в первую очередь кредитным, и (2) повышению склонности вкладчиков к более тщательному выбору банков для своих сбережений²⁰.

Поскольку объект нашего анализа – доля просроченных кредитов, а не конкретные параметры системы страхования вкладов, наши выводы можно интерпретировать под другим углом. Поскольку контроль кредитных рисков жестче в условиях более сильной рыночной дисциплины вкладчиков, то сокращение доли просроченных кредитов может быть достигнуто не только за счет сокращения страховки по вкладам, но и с помощью привязки ежеквартальных отчислений банков в фонд АСВ к: а) максимальной ставке по срочным депозитам населения (что фактически было сделано в начале 2015 г.); б) собственно величине доли просроченных кредитов в кредитах конкретного банка²¹; в) прочим видам рисков по активным операциям банков.

7. Заключение

В этой работе мы проанализировали некоторые возможности государства в области регулирования доступа банков на российский кредитный рынок за счет приватизации или национализации банков, стимулирования укрупнения банков и варьирования параметров системы страхования вкладов. Для каждой опции регулирования была проведена эмпирическая оценка последствий для стабильности банковской системы, учитывая несовершенство конкуренции на кредитном рынке. Оценки были осуществлены на основе панельной базы данных по всем российским банкам, раскрывавшим балансы на сайте Банка России в I кв. 2004 г. – IV кв. 2012 г.

Основные выводы по результатам моделирования.

1. Подтверждена концепция нелинейного характера связи конкуренции с устойчивостью банков. По каждой из указанных мер поли-

²⁰ Конечно, стоит еще раз подчеркнуть, что оценки и соответствующие выводы сделаны за достаточно длительный период – с 2005 по 2012 г., а значит, они носят долгосрочный характер. В частности, наши оценки и выводы могут быть не применимы к собственно периодам кризиса, когда важнее – с точки зрения стабильности банковской системы, поддержки кредитования реального сектора и недопущения дополнительных расходов федерального бюджета на поддержку проблемных банков – предотвратить панику вкладчиков, чем допустить рост просроченных кредитов. Паника вкладчиков имеет необратимый характер, тогда как рост просроченных кредитов, при условии сохранения банка, будет преодолеваться по мере макроэкономической стабилизации. В будущей работе следует сконцентрироваться на собственно кризисном периоде времени и соотнести выгоды от сохранения банка за счет повышения минимальной планки по страхованию вкладов с потерями, образующимися в результате увеличения плохих долгов.

²¹ Мы благодарим одного из двух анонимных рецензентов за эту идею.

тики оценен порог, разделяющий положительное и отрицательное²² влияние конкуренции на устойчивость банков.

2. Регулирование доступа банков на рынок может иметь различные последствия для стабильности банков, и эти различия, действительно, зависят от характера конкуренции в системе и рыночной власти отдельных банков.

3. Масштаб. Концентрация крупнейших банков (топ-30 по активам) положительно влияет на устойчивость банков к кредитному риску. Но с ростом рыночной власти этих банков такой эффект ослабевает. Концентрация средних банков (с позициями 31–100 в рэнкинге по активам) отрицательно влияет на устойчивость банков к кредитному риску – однако с рыночной властью такой эффект, как и в группе топ-30 банков, ослабевает.

4. Формы собственности. Концентрация федеральных госбанков положительно влияет на устойчивость банков к кредитному риску, но с ростом рыночной власти эффект ослабевает – по аналогии с банками из топ-30. Концентрация частных банков-резидентов, зарегистрированных в Москве или Санкт-Петербурге, положительно влияет на устойчивость к кредитному риску; рыночная власть не влияет на этот эффект. Концентрация же частных региональных банков отрицательно влияет на устойчивость банков к кредитному риску – однако с ростом их рыночной власти этот эффект ослабевает.

5. Страхование вкладов. Отрицательно влияет на устойчивость банков к кредитному риску – особенно в группе частных столичных банков-резидентов. Но с ростом рыночной власти эффект ослабевает.

* * *

На основе этих модельных выводов, полученных по данным за 2005–2012 гг., были определены **оптимальные меры регуляторов** на 2013–2016 гг., т.е. меры, которые обеспечивали бы максимально возможное улучшение качества кредитных портфелей банков при условии постоянства их рыночной власти.

1. При заданных уровнях рыночной власти российских банков и распределении кредитного риска между ними (ниже – в госбанках и крупных банках, выше – в частных банках и в мелких банках) Правительство РФ и Банк России могли для поддержки стабильности банковского сектора:

- 1) увеличивать вложения в капиталы банков с государственным участием (допустить прирост доли топ-3 банков – Сбербанка, ВТБ и Газпромбанка – максимум, на 3 п.п. с уровня 41%, достигнутого к концу 2012 г.);
- 2) способствовать укрупнению размера среднего банка в банковской системе за счет повышения минимального требования к капиталам действующих кредитных организаций (на 50–100

²² Возможность отрицательного влияния конкуренции на устойчивость банков укладываются в общее русло современных работ. Идея «чем больше конкуренции, тем лучше» имеет ограничения, что связывается в литературе с сокращением возможности банков генерировать «буферы капитала» для защиты от макроэкономических шоков в условиях ужесточения конкуренции (Keeley, 1990; Allen, Gale, 2004).

млн руб. ежегодно в течение 4–5 лет) и стимулирования сделок слияния и поглощения (M&A) – особенно в среде мелких банков;

- 3) снижать размер страхового покрытия по частным вкладам по мере завершения кризисных процессов в российской экономике и на валютном рынке в частности.

Эти меры означали бы ужесточение условий регулирования мелких, частных и работающих в более рисковых нишах на кредитном рынке банков. Однако такое ужесточение оправдывалось бы ограничением склонности банков к кредитному риску и, следовательно, рисков неблагоприятного отбора заемщиков. Это, в свою очередь, положительно сказалось бы на качестве кредитных портфелей банков и позволило бы им – по крайней мере частично – расчистить баланс от навеса плохих долгов.

Подчеркнем, что ключевой идеей сформулированных мер, которые регуляторы могли бы осуществить в 2013–2016 гг., является поддержка наращивания рыночной силы мелких банков, однако без ущерба для крупных.

Один из возможных способов, который можно было реализовать в 2013–2016 гг., – сокращение межвидовой и наращивание внутривидовой конкуренции, например с помощью разделения рынка на ниши для федеральных банков и для банков регионального значения, чтобы они не конкурировали друг с другом (наподобие того, как это реализуется в США). Идея состоит в том, что федеральные банки перераспределяют в свою пользу значительную часть региональных/локальных рынков банковских услуг – за счет большего доступа к СМИ, более узнаваемого бренда и т.п., – но это не означает, что они лучше осведомлены о специфике регионального/локального бизнеса. Последнее – прерогатива именно мелких местных банков. Соответственно, можно было бы ввести понятия «федеральный банк» и «региональный (локальный) банк» и разделить их ниши. При этом следовало бы установить дифференцированные требования по капиталу (минимальному уровню и его достаточности) и ограничить доступ мелких банков к средствам государственных компаний. Это разделило бы ниши крупных и мелких банков²³.

2. Если бы в 2013–2016 гг. регуляторы способствовали ускорению развития рынка корпоративных облигаций как альтернативы рынку кредитов нефинансовым предприятиям, это позволило бы – по крайней мере отчасти – выровнять уровень подверженности кредитному риску частных и государственных банков за счет снижения доли одобренных кредитов, выдаваемых частными банками заемщикам с неустойчивым/ухудшающимся финансовым положением. Выпуск облигаций корпоративными эмитентами предполагал бы увеличение их прозрачности, а значит, облегчил бы банкам контроль кредитных рисков. Ограничение предлагаемой меры – подготовка эмиссии –

²³ К этой идеи мы пришли еще в первой версии этой статьи в 2013 г. и обсуждали ее в академических кругах и в ЦБ РФ в 2014–2015 гг. Во второй половине 2016 г. ЦБ РФ выступил с похожей инициативой.

может быть слишком дорогой для мелких и большинства средних компаний.

Будущие исследования должны изучить вопрос, как отклонение регуляторов от оптимальных — с точки зрения управления кредитным риском банков — мер на горизонте 2013–2016 гг. отразилось на стабильности банковской системы.

ЛИТЕРАТУРА

- Верников А.В.** (2013). «Национальные чемпионы» в структуре российского рынка банковских услуг // *Вопросы экономики*. № 3. С. 94–108.
- Власова Н.** (2013). РСХБ просит отменить приватизацию // *Коммерсант*. 9 апреля.
- Мамонов М.Е.** (2012). Влияние рыночной власти российских банков на их склонность к кредитному риску: результаты панельного анализа // *Прикладная эконометрика*. № 4(28). С. 85–112.
- Мамонов М.Е., Верников А.В.** (2015). Сравнительный анализ эффективности госбанков и частных банков в России: новые расчеты // *Деньги и кредит*. № 7. С. 21–32.
- Солнцев О.Г., Пестова А.А., Мамонов М.Е.** (2010). Стress-тест: потребуется ли российским банкам новая поддержка государства? // *Вопросы экономики*. № 4. С. 61–81.
- Товкайло М., Аскер-заде Н.** (2011). Государство в 2011 г. продаст 7,58% Сбербанка и 25% «Совкомфлота» // *Ведомости*. 22 марта.
- Allen F., Gale D.** (2004). Competition and Financial Stability // *Journal of Money, Credit, and Banking*. Vol. 36(3). P. 453–480.
- Agoraki M.E.K., Delis M.D., Pasiouras E.** (2011). Regulations, Competition and Bank Risk-Taking in Transition Countries // *Journal of Financial Stability*. Vol. 7. P. 38–48.
- Barth J., Caprio G., Levine R.** (2008). Bank Regulation and Supervision Database (updated June 2008), World Bank.
- Beck T., Dermiguc-Kunt A., Levine R.** (2006). Bank Concentration, Competition and Crises: First Results // *Journal of Banking and Finance*. Vol. 30(5). P. 1581–1603.
- Beck T., De Jonghe O., Schepens G.** (2013). Bank Competition and Stability: Cross-Country Heterogeneity // *Journal of Financial Intermediation*. Vol. 22(2). P. 218–244.
- Berger A.N., Hannan T.H.** (1998). The Efficiency Cost of Market Power in the Banking Industry: A Test of the “Quiet Life” and Related Hypotheses // *The Review of Economics and Statistics*. Vol. 80(3). P. 454–465.
- Berger A.N., Klapper L.F., Turk-Ariß R.** (2009). Bank Competition and Financial Stability // *Journal of Financial Services Research*. Vol. 35. P. 99–118.
- Boyd J.H., De Nicolo G.** (2005). The Theory of Bank Risk Taking and Competition Revisited // *Journal of Finance*. Vol. 60. P. 1329–1343.
- Chernykh L., Cole R.A.** (2011). Does Deposit Insurance Improve Financial Intermediation? Evidence from the Russian Experiment // *Journal of Banking and Finance*. Vol. 35(2). P. 388–402.

- Demirgüç-Kunt A., Detragiache E.** (2002). Does Deposit Insurance Increase Banking System Stability? An Empirical Investigation // *Journal of Monetary Economics*. Vol. 49. P. 1373–1406.
- Fonseca A.R., Gonzalez F.** (2010). How Bank Capital Buffers Vary Across Countries: The Influence of Cost of Deposits, Market Power and Bank Regulation // *Journal of Banking and Finance*. Vol. 34. P. 892–902.
- Jimenez G., Ongena S., Peydro J.L., Saurina J.** (2014). Hazardous Times for Monetary Policy: What Do Twenty-Three Million Bank Loans Say about the Effects of Monetary Policy on Credit Risk-Taking? // *Econometrica*. Vol. 82(2). 463–505.
- Karas A., Schoors K., Weill L.** (2010). Are Private Banks More Efficient Than Public Banks? // *The Economics of Transition*. Vol. 18(1). P. 209–244.
- Karas A., Pyle W., Schoors K.** (2013). Deposit Insurance, Banking Crises, and Market Discipline: Evidence from a Natural Experiment on Deposit Flows and Rates // *Journal of Money, Credit and Banking*. Vol. 45(1). P. 179–200.
- Keeley M.** (1990). Deposit Insurance, Risk and Market Power in Banking // *American Economic Review*. Vol. 80. P. 1183–1200.
- Koettner M., Poghosyan T.** (2009). The Identification of Technology Regimes in Banking: Implications for the Market Power – Fragility Nexus // *Journal of Banking and Finance*. Vol. 33. P. 1413–1422.
- Koettner M., Kolari L.W., Spierdijk L.** (2012). Enjoying the Quiet Life under Deregulation? Evidence from Adjusted Lerner Indices for U.S. Banks // *The Review of Economics and Statistics*. Vol. 94(2). P. 462–480.
- Martinez-Miera D., Repullo R.** (2010). Does Competition Reduce the Risk of Bank Failure? // *Review of Financial Studies*. Vol. 23(10). P. 3638–3664.
- Tabak B., Fazio D., Cajueiro D.** (2012). The Relationship between Banking Market Competition and Risk-Taking: Do Size and Capitalization Matter? // *Journal of Banking and Finance*. Vol. 36(12). P. 3366–3381.
- Turk Ariss R.** (2010). On the Implications of Market Power in Banking: Evidence from Developing Countries // *Journal of Banking and Finance*. Vol. 34(4). P. 765–775.
- Uhde A., Heimeshoff U.** (2009). Consolidation in Banking and Financial Stability in Europe: Empirical Evidence // *Journal of Banking and Finance*. Vol. 33(7). P. 1299–1311.
- Vernikov A.** (2009). Russian Banking: The State Makes a Comeback? BOFIT Discussion Papers 24/2009, Bank of Finland, Institute for Economies in Transition.

Поступила в редакцию 29 декабря 2015 года

REFERENCES (with English translation or transliteration)

- Agoraki M.E.K., Delis M.D., Pasiouras F.** (2011). Regulations, Competition and Bank Risk-Taking in Transition Countries. *Journal of Financial Stability*, 7, 38–48.
- Allen F., Gale D.** (2004). Competition and Financial Stability. *Journal of Money, Credit, and Banking*, 36(3), 453–480.

- Barth J., Caprio G., Levine R.** (2008). Bank Regulation and Supervision Database (updated June 2008). World Bank.
- Beck T., De Jonghe O., Schepens G.** (2013). Bank Competition and Stability: Cross-Country Heterogeneity. *Journal of Financial Intermediation*, 22(2), 218–244.
- Beck T., Dermirguc-Kunt A., Levine R.** (2006). Bank Concentration, Competition and Crises: First Results. *Journal of Banking and Finance*, 30(5), 1581–1603.
- Berger A.N., Hannan T.H.** (1998). The Efficiency Cost of Market Power in the Banking Industry: A Test of the “Quiet Life” and Related Hypotheses. *The Review of Economics and Statistics*, 80(3), 454–465.
- Berger A.N., Klapper L.F., Turk-Ariß R.** (2009). Bank Competition and Financial Stability. *Journal of Financial Services Research*, 35, 99–118.
- Boyd J.H., De Nicolo G.** (2005). The Theory of Bank Risk Taking and Competition Revisited. *Journal of Finance*, 60, 1329–1343.
- Chernykh L., Cole R.A.** (2011). Does Deposit Insurance Improve Financial Intermediation? Evidence from the Russian Experiment. *Journal of Banking and Finance*, 35(2), 388–402.
- Demirgüç-Kunt A., Detragiache E.** (2002). Does Deposit Insurance Increase Banking System Stability? An Empirical Investigation. *Journal of Monetary Economics*, 49, 1373–1406.
- Fonseca A.R., Gonzalez F.** (2010). How Bank Capital Buffers Vary Across Countries: The Influence of Cost of Deposits, Market Power and Bank Regulation. *Journal of Banking and Finance*, 34, 892–902.
- Jimenez G., Ongena S., Peydro J.L., Saurina J.** (2014). Hazardous Times for Monetary Policy: What Do Twenty-Three Million Bank Loans Say about the Effects of Monetary Policy on Credit Risk-Taking? *Econometrica*, 82(2), 463–505.
- Karas A., Pyle W., Schoors K.** (2013). Deposit Insurance, Banking Crises, and Market Discipline: Evidence from a Natural Experiment on Deposit Flows and Rates. *Journal of Money, Credit and Banking*, 45(1), 179–200.
- Karas A., Schoors K., Weill L.** (2010). Are Private Banks More Efficient Than Public Banks? *The Economics of Transition*, 18(1), 209–244.
- Keeley M.** (1990). Deposit Insurance, Risk and Market Power in Banking. *American Economic Review*, 80, 1183–1200.
- Koetter M., Kolari L.W., Spierdijk L.** (2012). Enjoying the Quiet Life under Deregulation? Evidence from Adjusted Lerner Indices for U.S. Banks. *The Review of Economics and Statistics*, 94(2), 462–480.
- Koetter M., Poghosyan T.** (2009). The Identification of Technology Regimes in Banking: Implications for the Market Power – Fragility Nexus. *Journal of Banking and Finance*, 33, 1413–1422.
- Mamonov M.E.** (2012). The Impact of Market Power of Russian Banks on Their Credit Risk Tolerance: A Panel Study. *Applied Econometrics*, 4(28), 85–112 (in Russian).
- Mamonov M.E., Vernikov A.V.** (2015). Comparative Efficiency Analysis of State-Controlled and Private Banks in Russia: New Empirical Evidence. *Den'gi i Kredit*, 7, 21–32 (in Russian).
- Martinez-Miera D., Repullo R.** (2010). Does Competition Reduce the Risk of Bank

- Failure? *Review of Financial Studies*, 23(10), 3638–3664.
- Solntsev O.G., Pestova A.A., Mamonov M.E.** (2010). Stress Test: Will Russian Banks Need New Government Support? *Voprosy Economiki*, 4, C. 61–81 (in Russian).
- Tabak B., Fazio D., Cajueiro D.** (2012). The Relationship between Banking Market Competition and Risk-Taking: Do Size and Capitalization Matter? *Journal of Banking and Finance*, 36(12), 3366–3381.
- Tovkailo M., Asker-zade N.** (2011). The Government Will Sell 7,58% of Sberbank's Shares and 25% of Sovkomflot's Shares in 2011. *Vedomosti*, 22.03.2011 (in Russian).
- Turk Ariss R.** (2010). On the Implications of Market Power in Banking: Evidence from Developing Countries. *Journal of Banking and Finance*, 34(4), 765–775.
- Uhde A., Heimeshoff U.** (2009). Consolidation in Banking and Financial Stability in Europe: Empirical Evidence. *Journal of Banking and Finance*, 33(7), 1299–1311.
- Vernikov A.** (2009). Russian Banking: The State Makes a Comeback? BOFIT Discussion Papers 24/2009, Bank of Finland, Institute for Economies in Transition.
- Vernikov A.V.** (2013). National Champions and the Competitive Structure of the Russian Banking Market. *Voprosy Economiki*, 3, 94–108 (in Russian).
- Vlasova N.** (2013). Rosselkhozbank Asks to Cancel Its Privatization. *Kommersant*, 09.04.2013 (in Russian).

Received 29.12.2015

M.E. Mamonov

Center for Macroeconomic Analysis and Short-term Forecasting (CMASF) at the Institute for Economic Forecasting, RAS; National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

The Regulation of Banks' Access to Credit Market under Imperfect Competition: the Effects on Banking System Stability Estimated

Abstract. This paper analyzes those potential opportunities that the Russian government could use over the recent years for the regulation of the banks' access to credit market, namely, the privatization or nationalization of banks, facilitating increases in their size, and the variation of deposit insurance coverage. For each option of government regulation we conduct an empirical estimation of the influence that this exact option could have on the stability of banking system, taking into account the imperfection of competition on credit market. Special attention was paid on the estimation of thresholds that could separate positive and negative influence of each regulating option on system stability. Estimates were made on the basis of panel dataset covering balance sheets and profit and loss accounts of all Russian banks that disclosed these data through the Bank of Russia's web-site during 2004 Q1 – 2012 Q4, i.e. before the change of the Head of the Bank of Russia. Our estimations have shown that in order to support stability of banking system during the period analyzed (in-sample) and in 2013–2016 (out-of-sample, in case no internal or external shocks heat the economy) the Russian government, the Bank of Russia and the Deposit Insurance Agency could – taking the levels of banks' market power and credit risk distribution as exogenous – first of all increase the government investments in capital of state-owned banks. Second, they could raise the minimal capital requirements on already operating banks (on RUB 50–100 ml annually during 2013–2016). Third, they could allow decreasing the minimal deposit insurance coverage.

Keywords: banks, regulation, stability, competition, market power, ownership, minimal capital, deposit insurance.

JEL Classification: G21, G28, D22, D43, C23.